

ПСИХОАНАЛИЗ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Объект, другой – выбор объекта в подростковом возрасте

Руджеро Леви

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Руджеро Леви – бразильский психоаналитик, психиатр, тренинг-аналитик SPPA («Психоаналитическое общество Порто-Алегре»), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации (IPA).

В данной статье рассматривается выбор объекта в подростковом возрасте, в частности с точки зрения теории объектных отношений. Автор рассматривает вклад таких авторов, как Кляйн, Бион, Винникотт и Мельцер, в тему роли и функций объекта в развитии субъекта. В данной статье используется клинический случай, иллюстрирующий нарциссические убежища, которые могут возникать в подростковом возрасте и которые, согласно теории клауструма Мельцера, рассматриваются как защита от примитивных тревог, возникающих в этот период. Клинический пример показывает, как в конце аналитического процесса возникает фантазия покинуть замкнутое пространство, «уйти из монастыря», для того чтобы совершить более творческие идентификации с первичными объектами.

Ключевые слова: выбор объекта; подростковый возраст, интрузивная проективная идентификация; психоаналитическая техника при работе с подростками.

Чтобы говорить о каком-либо понятии в психоанализе, его необходимо поместить в метапсихологический контекст, но это не относится к понятию объекта, которое сильно менялось на протяжении всей истории психоанализа. По причине недостатка времени и места я не буду подробно рассматривать всю эволюцию этого понятия, но приглашаю вас ознакомиться с моей работой под названием «От тени объекта к эстетическому объекту», опубликованной в 2014 году.

В книге «Живой мир сновидения» (Le monde vivant du rêve, 1984/1995) Дональд Мельтцер рассматривает вклад Кляйн и Биона в психоаналитическую метапсихологию. В дополнение к четырем классическим метапсихологическим измерениям, обозначенным Фрейдом, – генетическому, динамическому, топографическому и экономическому, – Мелани Кляйн вводит географическое измерение, а Блон – эпистемологическое.

Благодаря вкладу этих двух английских авторов анализ психического события выходит за рамки классических измерений: необходимо понять географию явления, увидеть, находится ли оно во внутреннем мире субъекта или спроецировано на объект; но также необходимо понять его с точки зрения знания (связь К), понять, служит ли оно для познания психической реальности субъекта или объекта или же его функция заключается в том, чтобы препятствовать этому познанию.

Я думаю, что Винникотт располагается на стороне географического измерения, поскольку он определяет новое пространство. Он говорит не о психических явлениях, происходящих исключительно во внутреннем пространстве субъекта и/или объекта, а о том, что происходит между ними, в известном всем промежуточном, или переходном, пространстве.

Таким образом, понятие объекта и его функции варьируется в зависимости от теоретического подхода. Мелани Кляйн определила несколько типов фантазмов, присущих объектным отношениям с различными типами объектов: хороший, плохой, идеализированный, преследующий, разрушенный, восстановленный, контролируемый маниакальными защитами и так далее. Блон описал невозможность субъективации вне связи, вне объектных отношений с контейнирующим объектом, который выполняет структурирующие функции в психическом пространстве субъекта, без которых в психике субъекта не развиваются основные функции, такие как символическая функция, так называемая альфа-функция. В работах Биона (1962, 1963, 1965, 1970) подчеркивается процесс познания «истины» эмоций, переживаемых в человеческих отношениях, во встречах с другим, где эмоции являются связующим элементом, в то время как Винникотт также подчеркивал основные функции в процессе субъективации – триаду «холдинг – хэндлинг – предъявление объекта».

Я считаю, что Мельтцер внес решающий и блестящий вклад в понимание функций объекта в субъективации субъекта, описав эстетический конфликт и эстетический объект.

Позвольте мне теперь перейти к интересующей нас сегодня теме – вопросу объектных отношений в подростковом возрасте. Каков выбор объекта в подростковом возрасте? Как другой вмешивается в этот процесс своим взглядом?

Учитывая, что человеческий субъект по сути своей символичен (Cassirer, 1964), подростковый процесс включает в себя конструирование новой субъективности для учета нового опыта субъекта. Этот новый процесс субъективации представляет собой развязывание прежних систем репрезентаций, построенных Я (Cahn, 1999) на протяжении всего детства, и создание новой системы репрезентаций, способной учитывать новое тело, Я в себе, объекты и мир. В ходе этого мучительного процесса

деконструкции и реконструкции системы репрезентаций в символической вселенной субъекта возникает новая субъективность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Процесс полового созревания сталкивает подростка с тревожащим незнакомцем (Cahn, 1999), репрезентацию которого необходимо создать внутри, чтобы воссоздать ощущение знания себя. Согласно Пьере Оланье (Castoriadis-Aulagnier, 1975), символизировать означает сделать однородными чужое тело и данную систему репрезентаций. Чужое тело, о котором я здесь говорю, очевидно, трактуется двояко: это чужеродный элемент, который должен быть ассимилирован, и биологическое тело, чуждое субъекту.

Это явление разрушает привычное равновесие, поскольку тревожащий незнакомец не знаком не только самому субъекту, но и окружающим. В результате удивленные взгляды окружающих еще больше усиливают ощущение чуждости, столь характерное для этого этапа жизни. По мнению Кан (1999), именно это ощущение чуждости, испытываемое самим собой и другими, определяет глубину и специфику присущих подростковому возрасту психических трансформаций. А поскольку происходит реорганизация системы репрезентаций Я и объектов, разрушение одной системы и восстановление другой, то помимо чувства странности возникает глубокий страх уничтожения и, очень часто, ощущение неминуемой смерти. Самость чувствует угрозу, исходящую от символической конструкции.

Другими словами, тревоги, связанные со смертью или распадом самости, занимают важное место наряду с тревогами, которые уже изучались в подростковом возрасте: эдипальными тревогами, депрессивными и параноидными тревогами (Aberastury, 1971; Bronstein, 2008), конфузионными тревогами (Meltzer, 1972) и сепарационными тревогами (Blos, 1981).

В отличие от эротического тела детства, появление сексуализированного тела, способного совершить инцест, приводит подростка к поиску новых объектов. Первоначально это касается собственного тела подростка, которое используется для реализации функции по реорганизации влечений – от аутоэротизма к объектной любви. И на фоне этой нарциссической регрессии активизируется деструктивность. Частые атаки на кожу, от пирсинга до самоповреждений, показывают, насколько перестройка телесных инвестиций также отмечена деструктивностью и агрессией. Обряды инициации в подростковом возрасте, как правило, подвергают риску физическую интеграцию и заставляют молодого человека расплачиваться собственным телом. В этом смысле ритуалы, существующие в культуре, присоединяются к психическим трансформациям подростка и помогают их организовать.

Однако для того, чтобы защититься от тревог, связанных с распадом самости, конфликтами между ее аспектами и противоречивыми идентификациями, обусловленными инфантильной сексуальностью, которые еще не интегрировались в личность, подростки используют проективную идентификацию особым образом. С помощью проекции они идентифицируют те части Я, которые вызывают тревогу, в объектах и вступают

с ними в особые отношения: либо объекты временно «несут в себе» части субъекта, либо субъект «присваивает» себе идентичность объекта из желания быть, существовать и облегчить тревогу, связанную с уничтожением Я. Можно сказать, что подростки обычно проходят период использования более или менее переходных идентификаций с объектами, с которыми они вступают в отношения.

В своей книге «Клауструм» (*Le claustrum*) Мельтцер (1992) описывает последствия воздействия фантазма вторжения на психику. Он различает проективную идентификацию, которая имеет более адаптивные и коммуникативные цели, и интрузивную проективную идентификацию, которую труднее обратить вспять. В фантазме субъект вторгается в объект, захватывает его, «присваивает» его, и это пространство становится не контейнером, а клауструмом, который заключает его в тюрьму. Когда в функционировании Я доминирует фантазм внедрения, все чувство идентичности индивида оказывается под угрозой.

Применительно к подросткам автор пишет, что образ клауструма подсвечивает эти изменения в чувстве идентичности, позволяя им осознать, что они не такие, как раньше; их психические качества изменились и они изменились по отношению к миру, в котором живут (*Meltzer, 1992, p. 147*).

Фантазматическое вторжение в объект и обитание в зоне тела, по видимому, занимает центральное место в психопатологии подростков, для которых зональная и объектная путаница особенно важны в силу эволюционного процесса.

Но давайте теперь обратимся к клинической виньетке.

Клиническая виньетка: Ирис и «большой босс»

Наша встреча произвела на меня неизгладимое впечатление: Ирис, высокая брюнетка с растрепанными волосами, была одета во все черное, обута в грубые черные сапоги, ее лицо частично закрывали волосы, а в глазах при ближайшем рассмотрении затаилась какая-то тень. Она явно пыталась повлиять на меня своим нигилизмом. Она задавала мне вопросы о смысле жизни, о целесообразности существования в обществе, что навело меня на мысль об идеализации путаницы с симулякрами творческой мысли. Она также идеализировала богемный образ жизни, быть наполовину бродягой, не выполняющей жизненные задачи «буржуазных» девушек. Страх, который я ощутил в контрпереносе, подсказал мне, что помимо истерического намерения вызвать у меня реакцию изумления – что заставляло ее чувствовать себя реальной и присутствующей, – существовал и реальный риск саморазрушения. Она гуляла со своим парнем ночью в районах, кишящих проститутками, шпаной и бомжами, употребляла дорогие, но опасные для жизни наркотики.

В начале встречи она рассказала мне о своей растерянности: в глубине души она не знала, хочет ли она учиться, хочет ли продолжать отношения со своим парнем или хочет быть лесбиянкой, хочет ли продолжать общаться с друзьями, которые у нее были до этого момента, или присоединиться к более опасной компании старшеклассников, в которую ее

звали. Мне было ясно, что перед лицом ее дезориентации темное, негативное представляло собой облегчение, потому что тогда появлялось хоть что-то. Это была попытка избавиться от путаницы, вызванной незнанием того, кем она на самом деле является. В то время я пыталась понять, какие тревоги она ощущала и как она защищалась от них. Она защищалась от ощущения нереальности, создавая реакции других людей на свою внешность или свои бессмысленные комментарии. Другими словами, она появлялась и говорила что-то, а когда другой человек реагировал, она убеждалась, что это реально, что это есть, что это факт.

Она начала рассказывать мне о своих приключениях с подругой, своим двойником, которая была безумной. Вместе с Карлой, ровесницей Ирис, дочерью наркоманов, которые интенсивно употребляли наркотики, причем не только марихуану, но и стимулирующие таблетки и алкоголь, они вместе совершали всякие мелкие нарушения правил в школе. Мы начали анализировать чувства одиночества, покинутости и ненависти у Карлы, двойника Ирис, персонажа в нашем промежуточном аналитическом пространстве. Другими словами, мы исследовали эту подругу – и я понял, что это был диссоциированный аспект ее личности – все те чувства Ирис, которые в то время были диссоциированы и проецировались вовне.

Я думал, что должен сохранять спокойствие и, вспоминая Биона, уметь идти впереди военной колесницы, которой угрожает вражеский огонь, защищенный сзади решетчатым ограждением, контейнирующим и трансформирующим тревоги. Я смотрел на Ирис, спрятавшуюся в нарциссическом убежище, переполненную ощущением всемогущества и деструктивностью, которое, с одной стороны, создавало ей ощущение надежной идентичности, негативной, но идентичности, а с другой – угрожало ее целостности. Я должен был войти в это убежище вместе с ней, описать его в деталях, понять его на основе нашего опыта на сессии, помочь ей выбраться из этого мира симулякров, в котором она была заточена. Она жила в этом мире, в который погрузилась, как в тюрьме, много раз она испытывала глубокое чувство нереальности, ощущала себя далекой от всего и всех, отсутствующей. Иногда она бессвязно рассуждала о реальности и фантазии. В другое время она с мукой рассказывала мне, что люди разговаривают с ней, а она чувствует себя далекой, отстраненной и ей приходится делать мимические движения, чтобы собеседнику казалось, будто она следит за тем, что он говорит. Я вспомнил, как Мельтцер описывал мир проективной идентификации. Я пытался успокоить ее и объяснял, что это произошло потому, что она замкнулась в себе, искала себя и отдалась от других. В другие моменты мне удавалось показать ей, что она стала слишком похожа на Карлу и больше не чувствует себя самой собой.

Но я сразу перейду к сну, полусну, полудневному сну, довольно творческому, который Ирис передала мне в конце своего анализа, который приснился ей недавно, в виде текста.

«Мне приснилось, что я нахожусь в каком-то лабиринте, темном, грязном, с капающей водой. Это было похоже на подвал заброшенного здания, полный бездомных людей, как в фильме о Бэтмене, который я недавно смотрела. И, как в фильме, вдалеке слышалась музыка, которая звучала

как некий культ, поклонение владыке подземного мира. Внезапно я обнаружила, что стою перед направленной на меня канализационной трубой. Я знала, что оттуда может быть выпущена какая-то пуля. Я была в ужасе и могла только смотреть на черную дыру этой трубы. И я поняла, что это его работа, работа тех, кто его окружает. Этот сукин сын, возомнивший себя всемогущим в этом подземелье, управлял жизнями всех, развращал всех, политиков, полицию, всех. Я пробиралась по туннелям лабиринта и вдруг наткнулась на него. Он пытался убить меня. Как и в фильме, он пытался меня задушить.

Не знаю как, но мне удалось сбежать и скрыться в лабиринтах. Я продолжала пробираться и пришла к своего рода командному центру, центральному узлу, откуда он творил все свои делишки. Из этого подземного хода он управлял городом и жизнями всех людей. Я поняла, что это сердце всего, сердце этого дерьма. Тогда я поняла, что нужно сделать, чтобы покончить с его властью и с ним самим. Я вылепила из этого дерьма куклу из глины, почти натурального размера, меньше меня. Я превратила большого босса, который управлял жизнью всего города из подземного мира, в инертную глиняную статую. Невероятным было то, что все замолчали и музыка прекратилась.

Я ушла и отправилась домой, но совесть моя была чиста. Но странное дело: несмотря на то что я закончила, я была спокойна, думаю, от ощущения, что сделала то, что должно было быть сделано».

Я думаю, этот сон говорит сам за себя. Он иллюстрирует анальную и смертоносную среду, в которой жила Ирис, ее подчинение «большому боссу», главе ректальной обители, но прежде всего ее бунт против этого извращенного, властного и жестокого объекта, который завладел частью ее Я. Под угрозой смерти она отправляется в самую сердцевину монстра, в «командный центр», и кладет конец ему и его власти. С точки зрения эдиповых тревог, можно также сказать, что ей нужно было «убить» своего жестокого, властного отца детства, который, вместо того чтобы соблазнить ее к жизни, душил ее... «Убить» его было способом выжить и развить свой творческий потенциал.

Но, пожалуй, самым значимым является то, как она кладет конец его власти и господству: она превращает его в глиняную репрезентацию! И, что примечательно (как подсказала мне коллега и друг Клаудиа де Карли), глина, когда она влажная, мягкая, податливая, подвержена последовательным трансформациям, которые, возможно, говорят сами за себя: старая система репрезентаций воссоздается в более гибких формах. Другими словами, в той мере, в какой в ходе анализа она смогла создать репрезентации об этой тюрьме, которые заставили ее вести себя конкретно в соответствии с этим начальником и запутаться в своей идентичности, она может выйти из нее и увидеть «большого босса» как глиняную репрезентацию. В той мере, в какой она способна его олицетворять, злой вождь, кажется, не только утратил свою силу и власть, но и может восприниматься как нечто меньшее, менее грандиозное и менее величественное. Очевидно, что ирония, сарказм и определенное маниакальное настроение помогают ей в противостоянии с этим жестоким и смертоносным

отцовским внутренним объектом, в котором она была заключена, ее дилеммой совести, но и отпущением грехов в том смысле, что ничего не поделаешь: чтобы выжить, она должна «убить» разрушительного отца и отождествиться с его творческими объектами.

Что ж, думаю, я проиллюстрировал, как я понимаю выбор и использование объектов в подростковом возрасте. Я не считаю возможным, за неимением времени, комментировать насыщенный сон, который Ирис подарила мне в конце своего анализа, когда я имел счастье видеть, как она поднимает занавес из волос, закрывающий ее лицо, покидает темный мир, в котором она укрылась в поисках себя, и постепенно восстанавливает образ себя, основанный на ее самом творческом потенциале, хотя полисемия этой символической продукции все еще может предполагать большое расширение ее значения. Например, как только путаница с жестоким объектом будет устранена и ею перестанет руководить «большой босс», она сможет сама определять свою судьбу в соответствии с желаниями своего истинного Я. Мне же оставалось только сопротивляться давлению «большого босса» и вести ее по своим «аналитическим лабиринтам». В наших отношениях мне пришлось создать с ней несколько «глиняных репрезентаций», чтобы помочь ей выбраться из подземного мира, в котором она была заперта.

The object, the other – the choice of object in adolescence

Ruggero Levy

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Ruggero Levy, a Brazilian psychoanalyst, psychiatrist, SPPA («Sociedade Psicanalítica de Porto Alegre») training analyst, and head of the International Psychoanalytic Association (IPA) Working Group Coordination Committee.

This article examines object choice in adolescence, particularly from the perspective of object relations theory. The author reviews the contributions of authors such as Klein, Bion, Winnicott, and Meltzer on the topic of the role and function of the object in the development of the subject. This paper uses a clinical case to illustrate the narcissistic refuges that can occur during adolescence, based on Meltzer's theory of claustrum, which is seen as a defence against the primitive anxieties that arise during this period. The clinical example shows how at the end of the analytic process a fantasy arises of leaving the enclosed space, of 'leaving the monastery' in order to make more creative identifications with primary objects.

Keywords: object selection; adolescence; intrusive projective identification; psychoanalytic technique in working with adolescents.